

могут проводить жизнь в автомобильных пробках и за компьютерами, — эти «удобства» пожирают их, отнимая ощущение природы, времени и лишая возможности полноценно общаться. Крутясь, как белка в колесе, мы погибаем от суеты, подходя к последней черте с тяжелым ощущением неудовлетворенности.

Между тем, на свете множество небольших населенных пунктов, способных дать человеку гармонию с миром, которой он лишен в мегаполисе. Эти места мы с порочной презрительностью называем провинцией. А ведь достаточно превратить унылое провинциальное поселение в уютный малый город, как окажется, что оно имеет гораздо больше преимуществ для жизни простого человека-обывателя. «Обыватель» — вот еще одна гримаса искаженного восприятия. Изначально, это средний человек, соль земли и базис любого народа. Именно он своим каждодневным трудом, воспитанием детей, сохранением традиций и многими другими рутинными действиями обеспечивает жизнь своей страны как непрерывный, гармоничный и естественный процесс, а ведь только на фоне естественного течения жизни из глубин обывательской массы могут появляться таланты и даже гении. Их появление — верный признак здоровья нации. Для того чтобы обывательская масса была плодородна, государство должно обеспечить людям приемлемые условия. Вряд ли кто всерьез озадачивается этими простыми вещами, в которых заключена, пожалуй, вся философия жизни.

Провинция — вторая, естественная и неотъемлемая половина понятия «центр». Столица против провинции — такой же абсурд, как день против ночи и зима против лета. Они прорастают друг в друге, друг друга продолжают и питают. Если понять

Она вошла в кафе раскованной походкой, встала напротив и внимательно посмотрела мне в рот. В ее глазах не было ни страха, ни подобострастия. Волосатая встрепанная морда в обрамлении беспородных ушей, мелкие плотоядные зубы, смешная борода, — она являла собой классический образ тарусской дворняги — той самой, «с маленькой бородашкой», как у Заболоцкого. Я дал ей кусок чебурека. Она спокойно взяла его и, не торопясь, вышла на улицу. Минуту позже появилась снова и так же бесстрастно посмотрела мне в рот. Я опять ее угостил, и опять она ушла с куском в зубах. Я подумал, не складывает ли она куски про запас, и вышел за ней. Нет. Она спокойно поела свой кусок неподалеку. По всей видимости, собачий этикет не позволял ей есть в общественном месте. Я хотел ее сфотографировать, однако она без всякой благодарности гавкнула на меня и ушла за угол. «Собаки провинции, свободные и независимые, — вот отдельная тема», — подумал я.

и принять мысль о том, что, стоит лишь довести малый населенный пункт до определенной степени цивилизованности и дать человеку возможность, живя в двух шагах от природы, вести достойный образ жизни — с чашкой кофе под утреннюю газету, крестинами, именинами, походами в театр и прогулками в лесу, созерцанием звездного неба, общением с соседями, воспитанием детей в любви и общих занятиях, — уверяю вас, Россия будет процветающей страной уже через два поколения.

У самых столичных жителей корни уходят в деревню, и потому разговор о провинции по праву родства близок каждому. «Провинциальные» впечатления нередко связаны с ранними годами жизни. Детская память навсегда впитывает тысячи запахов и оттенков, определяющих сладкое состояние безмятежности и счастья. Это может быть город или двор, или изгиб реки, или силуэт полуразрушенной церковки, или натруженные руки бабушки и горячие блины, которые ты — ребенок — макаешь в растопленное масло. Для кого-то это первая уха на берегу речки, пельмени, слепленные своими руками, и многое-многое другое, что согревает до старости и что щемяще хочется пережить еще и еще. Не потому ль москвичи и петербуржцы окружили мегаполисы наивными и несуразными дачными поселками, где с воодушевлением выращивают нерентабельную, но милую сердцу морковь и редиску.

В постсоветскую эпоху провинция в который раз позабыта и заброшена. Люди там живут, как правило, трудно. Социализм руководствовался лозунгом разрушить старый мир «до основания» и на его обломках построить новый. Итог всем извест-

тен: миллионы людей жили не своей жизнью, и, путаясь в лозунгах, пытались сберечь хотя бы уклад семьи и неприкосновенность личных отношений. Но и этот бастион со временем пал, и мы рухнули в энтропию неприкаянных душ и потерянных судеб. Все это мы чувствуем и теперь, неся в себе следы разрухи. Архитектура, как зеркало души народа, не могла не отразить эти внутренние процессы. Храмы, воплощавшие в камне российскую духовность, были разрушены. Революционные Дворцы Коммуны, заряженные романтическим оптимизмом, сменились безнадежностью унылых городских трущоб. Однако нам повезло: наш древний край богат великолепными провинциальными

местами и местечками с интереснейшей историей, традициями, сказками и легендами.

С елабужских времен я полюбил малые города России за очарование и неповторимость, которая, к счастью, непостижимым образом жива и поныне. Таков Муром, изрядно убитый за годы советской власти, подрастерявший свое историческое

и культурное наследие. Но, несмотря на эти потери, кожей чувствуешь могучую энергетику этого древнего города. Такое чувство приходит как бы само собой, без каких-либо видимых причин. Похожее ощущение часто появлялось у меня на Русском Севере: на Валааме, Соловках, в Кижях, на Кольском полуострове. Муром, лежавший когда-то на рубеже русских земель, населяли люди кремневой закалки. Страстные и смелые, сначала яростные язычники — гонители веры, потом не менее истовые православные и патриоты русской земли, они звали себя «святогонами», ибо, обладая взрывным темпераментом, выдворяли из своих пределов то князей, то священников, то просветителей. Именно в этом пассионарном месте появлялись люди ярчайшей судьбы. Илья Муромец, как известно, всю молодость пролежал на печи с параличом ног. Потом в тридцать три года за десять-пятнадцать лет совершил столько подвигов, что прочно вошел в фольклор и русских, и немцев, а в зрелости принял постриг, погиб, не дожив до шестидесяти, и был причислен к лику

